

Анархия

1921, источник [здесь](#)

Анархия не новая теория. Само слово, в смысле „отсутствия правительства“, „общества, существующего без начальников“ — древнего происхождения и было в употреблении еще задолго до Прудона.

Впрочем, вопрос о происхождении слова не важен. Существовали „акраты“ и до анархистов, и сами акраты изобрели свое научное название только после того, как бесчисленные поколения их сменили друг друга. Во все времена существовали свободные люди, презиравшие законы, не признававшие никакой власти над собой и жившие на основании права своего существования и по велениям своего рассудка. Даже в первобытные времена мы всюду видим племена, состоящие из самоуправляющихся людей, не имеющих над собою никаких насильно наложенных законов и никаких правил поведения, кроме „своего хотения и доброй воли“, говоря словами Раблэ.

Но если анархия так же стара, как само человечество, современные представители ее приносят однако в мир нечто новое. Они точно сознают цель, которую хотят достигнуть, и где бы они ни находились, они все единодушно стремятся к своему идеалу, состоящему в отрицании какой бы то ни было формы правительства. Мечта о всемирной свободе уже перестала быть чисто философской и литературной утопией, какою она была для древних основателей Городов Солнца или Новых Ерусалимов; она стала деятельным исканием живой реальности для множества людей, единодушно, дружно.

Настоящая брошюра представляет собою сюжет доклада, который должен был быть прочтен в одной масонской ложе в 1894 году и решительно работающих для рождения такого обличившего строя, в котором не будет больше никаких начальников, не будет официальных блюстителей нравственности, не будет ни тюремщиков, ни палачей, ни богатых, ни бедных, а только люди, равные между собою в правах, братья, имеющие каждый свою ежедневную долю хлеба насущного и живущие в мире и согласии не в силу пресловутого повиновения законам, сопровождаемого страшными наказаниями для ослушников, а в силу всеобщего уважения интересов других, в силу научного следования законам природы.

Многим из вас этот идеал несомненно покажется недостижимым, но я не сомневаюсь в том, что большинство из вас находит его желательным, и что и вы предвидите в будущем мирное общество, в котором примиренные между собою люди предоставляют своим мечам покрыться ржавчиной, сплавят свои пушки и разоружат свои крейсера.

Разве вы не из тех, которые уже давно, в продолжение нескольких тысячелетий, по вашим словам, работают для воздвижения храма равенства? Вы ведь „каменщики“ (масоны), т. е.

стремитесь „построить" совершенное здание, в которое входят только свободные и равные люди, братья, неустанно работающие для самосовершенствования и возрождающиеся, благодаря силе своей любви, для новой жизни, полной справедливости и любви. Это так, не правда ли? И вы не одни! Вы не претендуете на исключительное обладание духом прогресса и обновления. Вы не совершаете даже несправедливости — забывать своих специальных врагов, тех, которые проклинают вас, предают вас анафеме — горячих католиков, призывающих все наказания ада на врагов Святой Церкви, но которые тем не менее тоже предсказывают наступление в будущем эпохи вечного мира. Франциск Ассизский, Екатерина Сиенская, Тереза Авильская и многие другие из среды верных приверженцев чуждой нам религии несомненно любили человечество самую искреннюю любовью, и мы должны включить их в число тех, которые посвятили свою жизнь служению идеалу всеобщего счастья. В настоящее же время миллионы и миллионы социалистов, к какой бы школе они ни принадлежали, также борются за наступление будущего строя, в котором будет сломлено могущество капитала и в котором люди получат, наконец, возможность назвать себя „равными" без иронии!

Таким образом, цель анархистов общая у них со многими благородными людьми, принадлежащими к самым разнообразным религиям, сектам и партиям, но они отличаются от этих последних относительно средств, на что ясно указывает их название.

Завоевание власти всегда было главной заботой революционеров, даже тех, которыми руководили наилучшие намерения.

Полученное ими воспитание не позволяло им представить себе возможность существования свободного общества, функционирующего без установленного правительства; поэтому, только что ниспровергнув ненавистных правителей, они спешили поставить на их место других, на которые возлагалась, по вековечной формуле, „забота о счастье своих народов". Обыкновенно революционеры не принимались даже за низложение существующего государя или династии, не выразив предварительно свою покорность какому-нибудь будущему властелину. „Король убит, да здравствует король!" кричали подданные, остававшиеся верными даже во время восстания. В течение многих и многих веков таков именно был неизменный ход исторических событий.

„Разве можно жить без господина?" говорили себе рабы, жены, дети, рабочие как городские, так и сельские, и покорно впрягались в ярмо. Помните повстанцев 1830-го года, приветствовавших „лучшую из республик" в лице нового короля, и республиканцев 1848-го года, скромно возвращавшихся в свои конуры после того, как они перенесли три месяца лишений в жертву временного правительства. В то же самое время революция вспыхивала и в Германии, и во Франкфурте собирался народный парламент: „Старая власть стала уже трупом!" восклицал один из представителей. „Да", отвечал ему президент, „но мы воскресим ее. Мы обратимся к помощи новых людей, которые сумеют вернуть власти утраченное доверие нации".

О этой точке зрения анархия действительно представляет собою новый дух. Анархистов нельзя упрекать в том, что они стремятся свергнуть существующие правительства для того, чтобы занять их места. Они с отвращением отворачиваются от формулы: „Уходи оттуда,

чтоб я встал на твое место"! и если бы кто-нибудь из них, отравившись ядом властолюбия, стал бы добиваться какой-нибудь влиятельной должности под предлогом тоже „осчастливить своих сограждан", они отнеслись бы к нему с презрением, или по крайней мере с жалостью. Основываясь на наблюдении действительности, анархисты говорят, что государство и все, что связано с ним, не представляет собою чего-то абстрактного, какую-нибудь философскую формулу, а совокупность людей, поставленных в особые условия и подчиненных влиянию этих последних; им предоставлены высшие должности, больше власти и больше содержания, чем остальным их согражданам, и это почти поневоле заставляет их считать себя выше обыкновенных людей, а между тем всевозможные искушения, которым подвергает их занимаемое ими положение, почти фатально заставляют их падать ниже общего уровня. Мы это беспрестанно повторяем нашим братьям — часто братьям-врагам — государственным социалистам: „Берегитесь своих вожаков и представителей! Несомненно, что ими руководят такие же чистые намерения, как и ваши; они горячо желают уничтожения частной собственности и тиранического государства; но новая среда, новые люди, новые условия мало-по-малу меняют их; нравственно они меняются по мере того, как изменяются их интересы и, сами того не подозревая, они невольно начинают изменять делу своих избирателей. Становясь у власти, им тоже придется пользоваться ее орудиями: армией, официальными моралистами, судьями, жандармами, полицией и шпионами". Уже три тысячи лет тому назад индусский поэт Мага Барата следующим образом формулировал на этот счет многовековой опыт: „Кто едет в повозке, никогда не будет товарищем того, кто идет пешком⁸.

Взгляды анархистов на этот счет самые определенные: по их мнению, завоевание власти может иметь своим последствием только продолжение этой власти и вместе с тем соответствующего ей рабства. Таким образом нам недаром дают название „анархистов", которое в сущности представляет собою только отрицание. Нас можно было бы еще называть „свободниками" (libertaire), как охотно называют себя многие из нас, или „гармонистами" ибо мы полагаем, что будущее общество будет основано на совершенно свободном согласовании воли его членов; но оба последние названия недостаточно отличают нас от других социалистов. Наше существенное отличие состоит именно в нашей отрицании всякой официальной власти, мы смотрим на каждую отдельную -личность, как на отдельный центр вселенной, и, по нашему мнению, каждая из них имеет право на всестороннее, интегральное развитие без всякого участия какой бы то ни было власти для его направления, управления или для его карания.

Вам известен наш идеал. Теперь возникает вопрос: „Действительно ли это великий идеал, стоящий того, чтобы люди великодушные жертвовали собою ради его достижения, стоящий того, чтобы мы подвергались ужасному риску революции? Будет ли человек в свободном обществе, основанном на анархической нравственности, лучше, чем в обществе, основанном на страхе перед властью и перед законами?" На этот вопрос я смело отвечаю, и надеюсь, что и вы вскоре ответите вместе со мною: — Да, анархическая нравственность именно та, которая наиболее соответствует современным понятиям о справедливости и о доброте.

Вы знаете, что в основе старой нравственности лежал один только страх. „Страх Божий — начало мудрости** — такова была в прежние времена точка отправления образования* Все общество было тогда основано на страхе: люди не были еще гражданами, а только

подданными или же паствою, жены — служанками, дети — маленькими рабами, над которыми родители пользовались еще некоторыми остатками прежнего права жизни и смерти. Всюду, во всех сношениях людей между собой, замечались начальнические и подчиненные отношения; наконец, даже в наши дни в основании самого принципа государства и всех отдельных составляющих его по государствам лежит иерархия или святая архия, „священная" власть, — таков именно истинный смысл этого слова. Эта священная иерархия влечет за собою разделение общества на целый ряд классов, наслоненных друг на друга, при чем все высшие пользуются правом командовать, а на всех нижних лежит обязанность повиноваться. Официальная нравственность состоит в том, чтобы преклоняться перед начальником и гордо выпрямляться перед подчиненным. Всякий человек должен иметь два лица, как Янус, и две улыбки: одну льстивую, предупредительную, подчас холопскую, другую горделивую с оттенком благородной снисходительности. Принцип власти — так называется эта вещь — требует, чтобы начальник никогда не имел вида, что он не прав, и чтобы за ним всегда и во всем оставалось последнее слово, а самое главное, чтобы все его приказания в точности исполнялись. Это упрощает все: не нужно больше ни разсуждений, ни объяснений, ни нерешительности, ни обсуждений. Тогда все делается само собою, все равно, хорошо ли или нехорошо. А если случается, что нет в наличности начальника, чтобы принять от него приказания, за то разве не имеются всегда под руками совсем готовые формулы в виде правил, указов или законов, изданных теми же самодержавными государями или иного рода законодателями? Эти готовые формулы вполне заменяют собою непосредственные приказания, и им следуют, не справляясь с тем, согласны ли они с внутренним голосом совести или нет.

Между равными дело усложняется, но за то оно и более высокое: здесь приходится настойчиво искать правды, найти личный долг, научиться познавать самого себя, вечно заботиться о своем развитии, стараться не задевать интересов своих товарищей. Только при этих условиях можно стать действительно нравственным существом, сознающим свою ответственность. Но здесь нравственность не является приказанием свыше, которому надобно подчиняться; она не является чем-то чуждым, внешним, а становится частью существа человека, продуктом самой жизни. Мы, анархисты, именно таким образом понимаем нравственность, и разве мы не имеем права с удовольствием сравнивать нашу нравственность с тою, которую нам оставили в наследство наши предки?

Не находите ли вы, что я прав? Но, может быть, некоторые из вас скажут, что это химера? Я рад, что вы хоть находите, что это благородная химера! Но я иду дальше и утверждаю, что наш идеал, наше понимание нравственности исторически логично и прямо вытекает из эволюции человечества.

Ужас перед неизвестным и чувство собственного бессилия в искании причин заставило людей, в отдаленные от нас времена, создать одно или несколько услужливых божеств, представлявших собою в одно и то же время и более или менее определенный идеал тогдашних людей и центр тяжести всего таинственного видимого и невидимого мира. Эти произведения фантазии, одаренные всемогуществом, стали также для человека основаниями справедливости и власти; эти небесные властители имели, разумеется, на земле своих посредников в лице магов, сановников, полководцев, перед которыми люди

привыкли преклоняться, как перед представителями высшей, неземной власти. Это было логично; но человек вообще переживает свои творения, и потому эти божества не переставали изменяться, точно тени, отброшенные в бесконечное пространство: сначала они оставались видимыми, одаренными сильными человеческими страстями, но мало-помалу отступили в бесконечную даль; затем, превратились в абстрактные понятия, в высокие и прекрасные идеи, не нашедшие даже собственного имени и, наконец, мало-помалу смешались и слились с мировыми законами; они вошли в тот самый мир, создание которого было им раньше приписано, и теперь человек находится на земле уже один без них, на той самой земле, над которой он воздвигнул было колоссальное изображение бога.

С исчезновением божества, потускнел и блеск тех, которые получали от него власть, и им пришлось мало-помалу войти в ряды остальных людей и постараться так или иначе примениться к новым условиям. В наши дни уже невозможно найти такого Тамерлана, который приказал бы своим сорока придворным сброситься вниз с башни в уверенности, что в тот же миг он увидит у ее подножья сорок окровавленных трупов. Свобода мысли сделала всех людей бессознательными анархистами. Кто не сохраняет в настоящее время хоть небольшой уголок своего мозга для обсуждения, для мышления? В этом именно и заключается величайшее преступление, то преступление, которое символизируется плодом древа познания добра и зла. Вот почему Церкви всегда была ненавистна наука. Вот почему Наполеон, этот Тамерлан новейших времен, не выносил идеологов.

Однако идеологи явились. Они, как прах, сдули старые иллюзии и принялись заново переделывать всю науку, основываясь на наблюдении и на опыте. Один из них, нигилист наших времен, анархист, по крайней мере на словах, начал с того, что отбросил от себя все, чему его раньше учили, и в настоящее время нет такого ученого, нет такого литератора, который не заявлял бы, что он сам оригинальный творец своих мыслей и моралист своей морали. „Если ты хочешь встать — встань сам“, говорил Гете. Даже художники стараются передать природу такую, какою они сами ее видят, чувствуют и понимают. Правда, эта самостоятельность носит обыкновенно такой характер, что ее можно было бы назвать „аристократическим анархизмом“, так как она требует свободы только для избранных, вступающих в Парнас. Каждый из них хочет мыслить вполне свободно и искать в бесконечности тот идеал, который ему больше нравится, но в то же время считает, что „нужна религия для народа“; он хочет жить совершенно независимо, но полагает, что „подчинение — удел женщины“; он хочет творить оригинальные произведения, но, по его мнению, толпа, которая копошится там, внизу, должна быть, как машина, подчинена гнусному функционированию разделения труда. Однако, у этих аристократов вкуса и мысли не хватает уже сил запереть великие шлюзы, сквозь которые изливается поток. Если наука, литература и искусство стали анархистами, если всякий прогресс, всякая новая форма красоты обязаны своим существованием свободному развитию мысли, эта свободная мысль работает также и в низах общества, и уже ничто не может остановить эту работу. Тверь уже поздно остановить поток.

Разве уменьшение почитания не является наиболее характерным явлением современного общества? Много лет тому назад мне приходилось видеть, как тысячные толпы народа кидались смотреть на пустую карету какого-нибудь большого барина. Теперь я этого уже не увижу. Еще недавно индейские парки благочестиво останавливались в ста пятинадцати

шагах, которые по закону отделяли их от надменного брамина: с тех пор, как люди стали толпиться на железнодорожных станциях, между ними стоит только тонкая стена вокзального зала. Конечно, примеры низости и холопской приниженности и теперь еще не редкость, но, тем не менее, прогресс идеи равенства неоспорим. Теперь, прежде, чем выразить свое уважение, люди часто спрашивают себя: действительно ли данный человек или учреждение заслуживают это уважение. Вера в величие исчезла, а за нею должны последовать и все те учреждения, которые основаны на ней. Уничтожение государства тесно связано с исчезновением почитания.

Беспощадная критика, которой в настоящее время подвергается государство, не щадит также все остальные государственные учреждения. Народ уже совершенно не верит в священное происхождение частной собственности, являющейся, как говорили экономисты (теперь уже они не осмеливаются утверждать это), продуктом личного труда ее обладателей; народ знает, что личный труд никогда не громоздил миллионы над миллионами, и что такое чудовищное обогащение является всегда результатом дурного общественного строя, предоставляющего одному человеку плоды труда тысяч других людей; народ будет всегда уважать хлеб, который работник добыл себе в поте лица, хижину, которую он себе построил своими руками, сад, который он сам посадил, но он несомненно перестанет уважать все фиктивные состояния, которые представляют собою всевозможные ценные бумаги, хранящиеся по банкам. Наступит день, я в этом не сомневаюсь, когда он спокойно вернет себе все продукты общего труда: рудники и поместья, заводы и замки, железные дороги, корабли и их грузы. Когда толпа, „подлая“ толпа, ставшая такою вследствие своего невежества и фатального результата этого последнего — холопства, перестанет заслуживать оскорбительный эпитет, который ей кидают в ливр, когда она будет сознавать, что обладание этими колоссальными состояниями зиждется исключительно на писаных фикциях, на вере в синие бумажки, тогда современный общественный строй будет находиться в большой опасности. Какими нелепыми, какими бессмысленными покажутся нашим преемникам безумные крики, с которыми набрасываются на новаторов! Что значит для нас вся грязь, которую избивает на нас продажная пресса, обязанная отплачивать своей прозой за получаемые ею пособия! Что значат для нас даже те оскорбления, которыми вполне искренно награждают нас те самые благочестивые, святые, но „простые“ люди, которые приносили дрова для костра Тоанна Гусса! Охватившее нас движение — дело не какихнибудь демагогов или жалких мечтателей, а всего общества в его целом; оно стало теперь необходимостью, благодаря наступательному ходу мысли, ставшему уже неизбежным, неукротимым, как вращение земли и небесных светил.

Однако может остаться еще одно сомнение, может явиться вопрос: не была ли анархия всегда только идеалом, умственным упражнением, диалектическим элементом? Была ли она когда-нибудь реализована, применена на практике; возникал ли когда-нибудь совершенно самостоятельно такой общественный организм, члены которого, добровольно, товарищески соединив свои силы, работали сообща, не имея вад собою никакого начальства? На это сомнение разрешить не трудно. Да, анархические организмы существовали всегда; да, они беспрестанно продолжают возникать, с каждым годом все больше и больше, параллельно с развитием личной инициативы. Я мог бы указать вам много племен, называемых дикими, которые даже в наши дни живут в полной общественной гармонии, не нуждаясь ни в

начальниках, ни в законах, ни в оградах, ни в войске; но я не останавливаюсь на этих примерах, хотя они и не лишены значения: я боюсь, что, в виде возражения, мне укажут на немногосложность этих первобытных организмов в сравнении с нашим современным общественным строем, этим колоссальным организмом, в котором бесконечно разнообразно переплетается такое множество организмов более мелких. Оставим, поэтому, в стороне эти племена и займемся только уже организованными нациями, обладающими сложным политическим и общественным механизмом.

Признаюсь, что в истории я не могу вам указать ни одну из них, которая сорганизовалась бы на чисто анархических началах, потому что тогда все они находились в периоде борьбы между различными, еще не соединившимися элементами; однако нетрудно заметить, что каждое из этих обществ, еще не слившихся в одно гармонически целое, пользовалось тем большим благосостоянием, отличалось тем большей производительностью, чем оно было свободнее, чем больше в нем признавалось личное достоинство отдельной личности. Начиная с доисторических времен, с той поры, когда в человеческих обществах только зарождались искусства, науки и промышленность, величайшими периодами истории народов были те, в которых люди, волнуемые революциями, наименьше подвергались продолжительному и тяжелому гнету правильно установленного правительства. Два лучших периода истории человечества по важности открытий и изобретений, по развитию мысли, по расцвету искусства были смутными временами, временами „опасной свободы“. В бесконечном царстве мидян и персов царствовал порядок, но из них не вышло ничего великого, тогда как вечно волнующаяся, беспрестанно потрясаемая смутами республиканская Греция произвела родоначальников всего, что есть великого и высокого в достоянии современной цивилизации; мы не можем мыслить, не можем предпринять ничего выдающегося без того, чтобы наша мысль не обратилась тотчас же к этим великим эллинам, бывшим нашими предшественниками и до сих пор остающимся нашими образцами. Две тысячи лет спустя, после многочисленных тираний, после мрачных времен угнетения, которому, казалось не будет конца, Италия, Фландрия, Германия, вся Европа городских общин вновь захотела вздохнуть свободно; тогда мир был потрясен бесчисленным количеством революций: Феррари насчитал не менее 7000 местных восстаний в одной только Италии; но вместе с ними разгорелось пламя свободной мысли, и человечество вновь вступило на путь процветания; благодаря Рафаэлю, Винчи и Микеланджело оно вторично почувствовало себя молодым. Затем наступил великий век энциклопедии и последовавших за нею мировых революций и объявление Прав Человека. Попробуйте теперь, если можете, перечислить весь прогресс, который совершился после этого великого потрясения человечества! Право, можно спрашивать себя, не сконцентрировалась ли в XIX-м столетии большая половина человеческой истории. Количество людей увеличилось более, чем на пол-миллиарда, торговля более, чем удесятилась, промышленность преобразилась, и ее средства поразительно обогатились, появились новые науки и, что бы там ни говорили, для искусства наступила третья эпоха; сознательный и международный социализм достиг своего полного развития. Мы по крайней мере чувствуем, что живем в веке великих задач и великой борьбы. Попробуйте теперь заменить те сто лет, которые вышли из философии XVIII-го века таким же продолжительным периодом, лишенным истории, в течение которого каких-нибудь 300 миллионов мирных китайцев прожили бы под опекою какого-нибудь „Отца Народа“, дипломированных мандаринов и свода обрядов. Вместо того, чтобы прожить так, как прожили мы, мы постепенно приблизились бы к бездействию и к смерти. Если Галилей,

сидя еще в тюрьмах инквизиции, мог только глухо бормотать: „А все-таки она движется!“ мы теперь, благодаря революциям, благодаря насилиям свободной мысли, мы можем громко кричать на улицах и на площадях: „Свет движется и будет продолжать двигаться!“

Кроме этого великого движения, постепенно ведущего все общество к свободной мысли, к свободной морали, к свободному поведению, т.-е. к анархизму, имеет место еще другого рода работа: прямые опыты, путем основания анархических и коммунистических колоний; это небольшие попытки, которые можно сравнить с лабораторными опытами, делаемыми химиками и инженерами. Все эти опыты оснований образцовых общин страдают весьма крупным недостатком, все они производятся вне обычных условий жизни, т.-е. далеко от городов, в которых сталкиваются люди, рождаются идеи и обновляются умы. Несмотря на это, многие из таких предприятий достигли полного успеха. Между прочим Молодая Икария, преобразованная колония Кабэ, основанная около полувека тому назад на началах авторитарного коммунизма; увеличившаяся благодаря иммиграции и ставшая чисто анархической группа коммунистов скромно живет в настоящее время в равнине Юва, возле Монашеской реки.

Однако практика анархизма более всего торжествует в обыденной жизни, особенно среди простого народа, который без сомнения не был бы в состоянии выдержать грозную борьбу за существование, если бы не прибегал к добровольной взаимной помощи, не обращая внимания на разницу и соперничество интересов. Когда кто-нибудь из бедняков заболевает, другие бедняки берут к себе его детей: его кормят, с ним делятся скудным заработком, стараются, работая вдвойне, выполнить и его работу. Между соседями устанавливается нечто вроде коммунизма, благодаря ссудам и непрерывному движению взад и вперед хозяйственных принадлежностей и запасов. Бедность связывает всех несчастных в один братский союз: вместе они нуждаются, вместе и насыщаются. Анархическая мораль и анархическая практика являются правилом даже для буржуазных сборищ, откуда, невидимому, они совершенно устранены. Представьте себе пикник, в котором какой-нибудь гость или сам хозяин принял бы начальнический тон и позволил бы себе командовать остальными или делать бестактные попытки заставить остальных подчиняться его прихотям! Разве это не убило бы всякое удовольствие, всякое веселье? Веселье царствует только между равными и свободными людьми, которые могут развлекаться так, как им заблагорассудится, поодиночке или небольшими группами, но которые предпочитают веселиться вместе, потому, что проведенные таким образом часы кажутся им слаже.

Тут я позволю себе рассказать вам один случай, имевший место однажды со мною. Мы ехали на одном из тех великолепных современных пароходов, которые разрезают волны со скоростью 15 — 20 узлов в час и проводят прямую линию от одного континента до другого, не взирая на ветер и на непогоду. Был мягкий вечер, в воздухе было совершенно спокойно, и на потемневшем небосклоне зажигались звезды. На рубке шла беседа, и о чем же было разговаривать, как не об этом вечном социальном вопросе, который как эдиповский сфинкс сжимает и душит вас. На бывшего в группе реакционера с живостью нападали остальные собеседники, которые все были более или менее социалистами. Вдруг он обратился к капитану, к начальнику, к хозяину, надеясь найти в нем поддержку своим взглядам: „Вы тут начальник“, сказал он, „разве ваша власть не священна? Что стало бы с кораблем, если бы вы вдруг перестали управлять им?“ — „Наивный вы человек“, отвечал капитан, „между нами

я могу сказать, что обыкновенно я совершенно бесполезен. Рулевой сохраняет направление корабля, через несколько минут его сменит другой, потом 3-й и т. д., и мы будем продолжать правильно подвигаться вперед по, обычному пути, без всякого участия с моей стороны. Внизу работают машинисты и кочегары, работают без моей помощи, ни о чем не спрашивая меня, и лучше, чем если бы я стал давать им какиенибудь советы. Также хорошо знают, что им нужно делать, и все матросы, иногда мне приходится только согласовать свою небольшую долю труда с их более тяжелым, хотя и хуже оплачиваемым трудом. На моей обязанности конечно лежит направлять корабль, но разве не видите, что это только фикция? Вот карты, и не я их составил; вот направляющий нас компас, и не я его изобрел; для нас вырыли каналы того порта, откуда мы вышли, и того, куда идем; не я построил и этот великолепный корабль, еле поскрипывающий под ударами волн, величественно качающийся от зыби, мощно подвигающийся вперед под давлением пара. Что такое представляю здесь я, в сравнении с великими покойниками, с изобретателями и учеными, научившими нас переходить моря? Все мы только их союзники, мы и мои товарищи матросы и вы, пассажиры, также, потому что ради вас скачем по волнам, а на случай опасности мы рассчитываем на вашу братскую помощь. Дело наше общее, и все мы между собою солидарны!" Все замолчали, и я бережно сохранил в своей памяти слова этого не совсем обыкновенного капитана.

Таким образом этот корабль, этот пловучий мир, в котором совершенно неизвестны наказания, несмотря на иерархические нелепости, плывет на себе через океан образцовую республику. И этот пример но единственный. Каждому из вас известны, хотя бы по слухам, такие школы, в которых учитель, несмотря на строгость никогда не применяемых школьных правил, видит в своих учениках друзей и счастливых сотрудников. Соответствующее начальство установило всевозможные наказания для укрощения маленьких негодников, но их старший друг не нуждается в этом механизме укрощения; он обращается с учениками, как со взрослыми, постоянно взывая к их доброй воле, к их понятливости, к их чувству справедливости, и все они радостно отвечают на этот призыв. Таким образом получается крошечное, анархическое, истинное, человеческое общество, несмотря на то, что все в окружающей среде как будто нарочно направлено к тому, чтобы препятствовать его возникновению: и законы, и правила, и дурные примеры и общественная безнравственность.

Таким образом, несмотря на предрассудки и на бремя старых нравов, анархические группы возникают беспрерывно. Наш новый мир пробивается вокруг нас, точно весенний цветок из под мусора веков. Он не только не химеричен, как это постоянно повторяют нам, но он уже показывается в тысяче разнообразных форм, только слепые этого не замечают. Зато, если есть химеричное невозможное общество, то им является именно тот кавардак, в котором мы живем. Вы согласитесь, что я не злоупотреблял критикой современного строя, несмотря на всю ее легкость, но если правда, что под обществом следует разумеать совокупность индивидов, сближающихся между собою ради достижения всеобщего благосостояния, то невозможно, не делая нелепости, дать это название окружающей нас хаотической массе. По мнению ее адвокатов (у всякого скверного дела есть защитнику), ее целью является сохранение полного порядка, посредством удовлетворения интересов всех. Но не смешно ли называть упорядоченным обществом наш европейский, цивилизованный мир с его непрерывным чередованием внутренних драм, убийств и самоубийств, насилий и ружейных залпов, вырождений и голодовок, грабежей и всякого рода мошенничеств, банкротств,

падений и разорений? Кто из нас при выходе отсюда не встретит на улице призраков порока и нищеты? В пашей Европе имеются Пять миллионов человек, ждущих только сигнала для того, чтобы начать избивать других людей, сжигать дома и жатвы; десять других миллионов находятся в запасе, вне казарм, и им может быть поручено то же дело разорения: пять миллионов несчастных живут или, точнее, прозябают в тюрьмах, 10 миллионов умирает ежегодно преждевременною смертью, и на 370 миллионов человек 350, чтобы не сказать все, дрожат в совершенно основательной тревоге за завтрашний день, потому что, несмотря на огромное количество богатств общества, кто может сказать, что какое-нибудь неожиданное стечение неблагоприятных обстоятельств не лишит его завтра же всего его имущества? Никто не может оспаривать этих фактов, и мне кажется, что они должны бы внушать нам всем твердое решение изменить такой порядок вещей, вечно грозящий революциями.

Однажды мне пришлось разговаривать с одним высокопоставленным сановником, принадлежащим к тому миру, из которого исходят законы и наказания: „Да защищайте же ваше общество!" говорил я ему. — „Как вы хотите, чтобы я защищал его", отвечал он мне, „оно не защищаемо"! Оно однако же защищается, но помощью таких аргументов, которых невозможно признать за доводы.

С другой стороны, те, которые нападают на него, могут делать это со спокойной совестью. Конечно, преобразование его вызовет и насилия, и революции, но разве нынешнее общество не есть непрерывное насилие и революция? И кто будет виноват в социальной войне? Те ли, которые проповедывают эру справедливости и равенства для всех, без различия классов и личностей, или же те, которые стремятся сохранить разделение общества, следовательно, и кастовую ненависть, те, которые издают один за другим разные стеснительные законы и умеют разрешать вопросы только посредством пехоты, кавалерии и артиллерии! История показывает нам, что политика ненависти способна породить только ненависть, фатально ухудшая общее положение дел или, пожалуй, даже вызывая окончательную гибель. Сколько народов погибло таким образом, при чем погибали вместе, как угнетаемые, так и угнетатели! Суждено ли и нам в свою очередь погибнуть? Я надеюсь, что нет, благодаря все более и более распространяющимся анархическим идеям, обновляющим личную инициативу людей. Даже сами вы, если и не состоите анархистами, то во всяком случае очень близки к этим последним. Кто из вас скажет, положив руку на сердце, что он выше своего соседа, кто не вйдет в нем брата, равного? Нравственные принципы, которые были столько раз провозглашены в этом помещении в более или менее символической форме, будут без сомнения проведены в действительную жизнь, потому что мы, анархисты, мы знаем, что эти начала, начала полной справедливости, свободы и равенства составляют собою истинную нравственность, и мы всем сердцем призываем ее, тогда как наши противники колеблются; они не уверены в своей правоте, в сущности они даже отлично понимают, что они неправы, и что будущее принадлежит нам.

Версия #8

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 10 июля 2025 10:22:04

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 13 июля 2025 11:32:13